
ЗАБЫТЫЙ СОЛДАТ:
ПЫЛЬ ЧИПСАЙДА
de Gray
Debt
de Gray
ОН ПРОСИЛ ТОЛЬКО СПРАВЕДЛИВОСТИ
Кулижский Богдан

Богдан Кулижский

Забытый солдат: пыль Чипсайда

https://litres.ru/74796447
SelfPub; 2026

Аннотация

Англия, 1248 год. Рыцарь Эдгар Фат уходит в Седьмой крестовый поход, оставив дома жену и малолетнего сына. Он верит в долг, короля и справедливость. Через три года он возвращается калекой — с раздробленным плечом, шрамом через лицо и хромотой. Но дома его не ждут: жена умерла в нищете, сын вырос с ненавистью к отцу, а земли и дом перешли к королевскому чиновнику Роберту де Грею — человеку, который потерял на войне брата и теперь мстит всем, кто выжил.

Фат просит немного: чтобы его раны признали, чтобы вернули дом, чтобы закон был одинаковым для всех. Ему отказывают. Тогда он поднимает восстание — не за власть, не за месть, а за справедливость. Он проигрывает. Его казнят на площади Чипсайд. Но его смерть становится зерном, из которого вырастет будущая война баронов.

Это история о человеке, который выполнил долг — и был за это наказан. О солдате, которого забыла родина. О памяти, которая сильнее мечей.

Богдан Кулижский
Забытый солдат: пыль Чипсайда

ЗАБЫТЫЙ СОЛДАТ: ПЫЛЬ ЧИПСАЙДА

Автор: Кулижский Богдан

- - - -

ЧАСТЬ I. ДОЛГ

Глава 1. Усадьба на краю Лондона

1248 год. Степни. Апрель.

Эдгар Фат проснулся за мгновение до того, как петух заорал.

Он лежал на спине, смотрел в потолок — тёмные балки, соломенная крыша, паутина в углу — и слушал, как просыпается дом. Скрип половиц. Звяканье посуды на кухне. Голос жены, которая что-то говорила служанке. Он знал эти звуки наизусть. Знал, что через минуту скрипнет дверь,

и Элис выглянет во двор, и посмотрит на небо, и скажет: «Опять дождь будет». И будет права. В Англии всегда будет дождь.

Он встал. Не резко, не молодо — ему было тридцать восемь, и спина уже напоминала о себе по утрам. Натянул рубаху, штаны, сапоги, которые знали лучшие дни. Вышел во двор.

Двор был большой, утоптанный, с колодцем в центре, с курами, которые копошились в грязи, с собакой, которая спала у двери конюшни. За двором начинались поля — узкие полосы земли, которые его арендаторы обрабатывали из года в год. За полями — старый вал, насыпанный ещё при римлянах, поросший травой и кустами. За валом — дорога на Лондон.

Фат стоял и смотрел. Он любил это время — раннее утро, когда мир ещё не проснулся, когда воздух чист и пахнет землёй и дымом. Он знал каждый камень на этой земле. Знал, где растёт лучший ячмень, где земля сырая, где колодец может пересохнуть к августу. Он знал имена всех своих арендаторов — их было двенадцать семей, — и знал их детей, и знал, кто из них болен, а кто просто ленив.

Это была его земля. Не богатая, не большая — всего две-

сти акров, — но его. Он получил её от отца, а отец — от деда. Фат не был знатным лордом. Он был мелким землевладельцем, рыцарем-баннеретом, человеком, который держится за своё с той же упрямой силой, с какой держится за жизнь.

— Милорд.

Он обернулся. У двери стояла Элис. Жена. Она была в простом платье, с платком на голове, с руками, которые знали и работу, и ласку. Ей было тридцать. Она была красива той тихой, спокойной красотой, которую замечаешь не сразу, но которая остаётся в памяти навсегда.

— Ты рано, — сказала она.

— Привычка.

— Плохая привычка. — Она подошла, встала рядом. — Ты не спишь. Опять.

Он не ответил. Он смотрел на дорогу. Элис проследила за его взглядом.

— Ты ждёшь гонца, — сказала она. Не вопрос.

— Жду.

— Ты знал, что он придёт?

— Знал.

Она помолчала. Потом взяла его за руку.

— Пойдём завтракать. Пока есть что есть.

За столом сидели втроём: Фат, Элис и Хью.

Хью было двенадцать. Он был худым, шустрым, с вечно разбитыми коленками и глазами, которые смотрели на отца с обожанием. Он ел кашу и одновременно пытался есть отца взглядом — как будто ждал, что тот скажет что-то важное. Что-то, что изменит его жизнь.

Фат смотрел на сына и думал: он слишком похож на меня. То же упрямство. Та же гордость. Та же готовность броситься в драку, не думая о последствиях. Это хорошо. И это плохо. Потому что мир не любит таких.

— Отец, — сказал Хью. — А когда я смогу держать меч?

— Ты держишь меч с семи лет, — сказал Фат.

— Настоящий меч. Не деревянный.

— Когда научишься держать деревянный.

Хью надулся. Элис улыбнулась. Фат отпил эля. Он думал о том, что через несколько дней — может, через неделю — он уедет. И оставит их здесь. Одних. И это было страшнее любой войны.

Гонец пришёл в полдень.

Он был молод, в королевских цветах, с сумкой через плечо. Спрыгнул с лошади, поклонился, протянул свиток. Фат взял его. Развернул. Прочитал.

«Лорду Эдгару Фату, рыцарю-баннерету. Королевским повелением вам надлежит явиться в Лондон к первому мая для выступления в Седьмом крестовом походе под командованием Уильяма Лонгеспея. Снаряжение — за свой счёт. Награда — по возвращении. Генрих, король Англии».

Фат свернул свиток. Посмотрел на гонца.

— Ответ будет?

— Нет, милорд. Приказ есть приказ.

— Приказ есть приказ, — повторил Фат. — Передай королю, что я буду.

Гонец поклонился, вскочил на лошадь, уехал. Фат стоял во дворе, сжимая свиток. Элис вышла из дома. Посмотрела на его лицо. Всё поняла.

— Когда? — спросила она.

— К первому мая.

— Это через две недели.

— Да.

Она молчала. Потом сказала:

— Хью не должен знать. Пока.

— Он узнает.

— Пусть узнает позже. — Она подошла, взяла свиток из его рук. — Дай нам эти две недели. Просто... дай нам их.

Фат кивнул. Он не знал, что сказать. Он никогда не знал,

что говорить в такие моменты. Он был солдатом. Солдаты не говорят о чувствах. Солдаты говорят о долге.

Вечером он пошёл проверять поля.

Арендаторы работали — кто-то пахал, кто-то сеял, кто-то чинил изгородь. Они кланялись, когда он проходил. Он кивал в ответ. Он знал их всех по именам. Знал, у кого больная жена, у кого сын ушёл в Лондон и не вернулся, у кого дочь на выданье, а приданого нет.

— Милорд, — окликнул его старик Томас, который работал на его земле ещё при отце. — Говорят, война будет.

— Будет, — сказал Фат.

— Опять? — Томас покачал головой. — Сколько можно? Мы только-только начали жить.

Фат не ответил. Он думал о том же. Сколько можно? Сколько можно посылать людей умирать за чужие земли, за чужие обиды, за чужие амбиции? Но он знал ответ: столько, сколько скажет король. И он знал другое: он поедет. Потому что он дал присягу. Потому что он офицер. Потому что если не он — то кто?

Он вернулся домой, когда стемнело. Элис ждала его на кухне. На столе стояла свеча, две кружки, кувшин с элем. Она ничего не сказала. Просто налила ему. Он сел. Выпил.

— Ты боишься? — спросила она.

— Нет.

— Врёшь.

Он усмехнулся. Горько.

— Вру.

— Я тоже боюсь. — Она села напротив. — Я боюсь, что ты не вернёшься. Я боюсь, что вернёшься другим. Я боюсь, что Хью вырастет без отца. Я боюсь... — она замолчала, подбирая слово. — Я боюсь всего.

Фат взял её за руку.

— Я вернусь, — сказал он. — Обещаю.

— Не обещай. — Она посмотрела на него. — Просто вернись.

Он кивнул. Он не знал, что сказать. Он никогда не знал.

Ночью он не спал.

Он лежал рядом с Элис, слушал её дыхание, смотрел в потолок. Думал о Египте. О песке, о жаре, о крови. Он никогда там не был. Но он знал, что это будет. Он знал, что многие не вернутся. Он знал, что может быть среди них.

Он думал о Хью. О том, как мальчик смотрит на него. Как ждёт, что отец научит его чему-то важному. Как хочет быть похожим на него. Фат не знал, хорошо это или плохо. Он не был героем. Он был солдатом. А солдаты не герои. Солдаты — это люди, которые делают то, что должны, и стараются не думать о том, что могло бы быть.

Он думал об Элис. О её руках. О её голосе. О том, как она сказала: «Просто вернись». Он хотел вернуться. Он хотел вернуться к ней. К Хью. К этой земле. К этому дому. Но он знал: война меняет людей. Он видел это. Он знал это. И он боялся не смерти. Он боялся того, кем он станет, если выживет.

Утром он встал раньше петуха. Вышел во двор. Посмотрел на дорогу. Она была пуста. Пока пуста. Но он знал: скоро по ней пойдут люди. Солдаты. Крестоносцы. Он пойдёт

вместе с ними. И, может быть, не вернётся.

Он вернулся в дом. Элис уже проснулась. Она стояла на кухне, что-то готовила. Он подошёл сзади, обнял её. Она замерла. Потом положила руки на его.

— Что это? — спросила она.

— Ничего. Просто... — он замолчал. — Просто запомни меня таким.

Она повернулась к нему. Посмотрела в глаза. Долго. Потом сказала:

— Я запомню. И Хью запомнит. И ты запомнишь. Понял? Ты вернёшься. И ты будешь помнить, кто ты. Не солдат. Не рыцарь. Муж. Отец. Человек.

Он кивнул. Он хотел верить, что она права. Он хотел верить, что война не изменит его. Он хотел верить, что вернётся тем же человеком, что уезжает.

Он ошибался.

Но он этого ещё не знал.

Глава 3. Лондон. Долговая книга

Лондон встретил его вонью и шумом.

Фат въехал в город через Олдгейт — старые ворота, сложенные из серого камня ещё при римлянах. Стража лениво кивнула, даже не спросив имени. В последние годы город рос быстрее, чем стража успевала запоминать лица. Внутри было тесно. Улицы — узкие, кривые, мощённые булыжником, который знал лучшие дни. Дома — высокие, с нависающими вторыми этажами, которые почти смыкались над головой, оставляя только полоску неба. Внизу — грязь, отбросы, лужи, в которых копошились свиньи. Вверху — вывески ремесленников: сапожник, кузнец, пекарь, торговец сукном.

Фат ехал медленно, придерживая лошадь. Он знал этот город. Он вырос в нём — в другом районе, беднее, но всё же в нём. Он помнил, как мальчишкой бегал по этим улицам, как воровал яблоки с лотков, как дрался с другими мальчишками из-за места у реки. Тогда Лондон казался ему огромным, полным чудес и опасностей. Теперь он казался тесным. Грязным. Уставшим. Как будто город сам устал от себя.

Он остановился у таверны «Кабанья голова» — низкого, тёмного здания с дубовой дверью и вывеской, на которой был нарисован кабан с отрубленной головой. Внутри пахло

элем, жареным мясом и потом. Фат привязал лошадь, вошёл.

Его ждали.

За столом в углу сидели двое. Первый — мужчина лет пятидесяти, с седыми висками, в тёмном плаще, с чернильницей и пером на столе. Второй — моложе, лет тридцати, в богатом камзоле, с золотой цепью на шее, с холёными руками, которые никогда не знали работы. Это был Роберт де Грей.

Фат знал его в лицо. Все знали. Де Грей был королевским чиновником — сборщиком налогов, интендантом, человеком, который вёл дела короны с баронами и купцами. Он был богат. Очень богат. Но богатство его было тихим, незаметным — не земли, не замки, а долговые книги, расписки, проценты. Он ссуживал деньги королю, баронам, рыцарям. И все ему были должны.

— Лорд Фат, — сказал де Грей, поднимаясь. Улыбка — вежливая, но холодная. — Рад вас видеть. Присаживайтесь.

Фат сел. Он чувствовал себя неуютно. Он привык к полям, к открытому небу, к простым разговорам. Здесь, в этой таверне, среди этих людей, он чувствовал себя чужим. Как будто он был не рыцарем, а крестьянином, который случайно забрёл в барскую усадьбу.

— Эль? — предложил де Грей.

— Воду.

Де Грей кивнул слуге. Тот принёс кружку. Фат отпил. Вода была тёплой и немного отдавала железом. Он не поморщился. Он пил и хуже.

— Итак, — сказал де Грей, раскрывая книгу. — Вы идёте в поход. Это похвально. Король нуждается в таких людях, как вы. Верных. Смелых. Готовых пожертвовать собой.

Фат кивнул. Он не любил комплименты. Особенно от таких людей.

— Вам нужно снаряжение, — продолжил де Грей. — Доспехи, лошади, провизия, оруженосец. Всё это стоит денег. Немало денег. У вас есть?

— Есть немного. — Фат достал кошель. — Но не хватит.

— Понимаю. — Де Грей улыбнулся. — Именно поэтому я здесь. Корона готова помочь таким людям, как вы. Мы дадим вам ссуду. Под небольшие проценты. Вы вернёте её после возвращения. С трофеями. С наградой. С чем угодно.

Фат смотрел на него. Он не доверял этому человеку. Слишком гладкий. Слишком вежливый. Слишком щедрый. Но выбора не было. Он не мог снарядиться сам. Он не мог отказаться от похода. Он не мог подвести короля.

— Какие условия? — спросил он.

Де Грей раскрыл книгу. Начал говорить. Цифры, проценты, сроки, залоги. Он говорил быстро, но чётко. Как человек, который делал это сотни раз. Фат слушал. Кивал. Он не понимал половины. Он не был купцом. Он был солдатом. Солдаты не считают проценты. Солдаты считают убитых.

— Вот здесь, — сказал де Грей, указывая на строчку внизу страницы. — Ваша подпись. Или отпечаток пальца. Как вам удобнее.

Фат посмотрел на строчку. Мелкий шрифт. Слишком мелкий. Он не мог разобрать слова. Он хотел попросить, чтобы де Грей прочитал вслух. Но не стал. Это было бы унизительно. Это показало бы, что он не умеет читать так же хорошо, как этот холёный чиновник. А Фат был гордым. Слишком гордым.

Он взял перо. Подписал.

Де Грей улыбнулся. Шире, чем раньше. Он закрыл книгу. Убрал её в сумку.

— Отлично, — сказал он. — Деньги будут у вас к концу недели. Доспехи — у кузнеца на Лудгейт-хилл. Скажите, что от меня.

Фат кивнул. Встал. Хотел уйти. Но что-то остановило его. Что-то в лице де Грея. В его глазах. Что-то, чего он не понимал.

— Вы были на войне? — спросил Фат.

Де Грей замер. Улыбка исчезла. На мгновение — только на мгновение — его лицо стало другим. Не холодным. Не вежливым. А пустым. Как будто внутри него что-то умерло.

— Был, — сказал он тихо. — В Египте. Интендантом. Не солдатом.

— А почему не пошли снова?

Де Грей молчал. Долго. Потом сказал:

— У меня были причины.

Он не объяснил. Фат не спросил. Он кивнул, повернулся, вышел. Но перед тем как уйти, он заметил на шее де Грея медальон — маленький, серебряный, на цепочке. Он был приоткрыт. Внутри — портрет. Молодой человек, лет девятнадцати, с улыбкой, с длинными волосами. Похож на де Грея. Но моложе. Намного моложе.

Фат не придал этому значения. Тогда.

Он вышел на улицу. Дождь только что закончился, и воздух был свежим, чистым, как будто город на минуту вспомнил, что когда-то был другим. Фат постоял, вдыхая его. Потом пошёл к кузнецу.

Кузнец на Лудгейт-хилл был старым, с руками, которые знали молот лучше, чем ложку. Он посмотрел на бумагу от де Грея, кивнул, показал доспехи. Они были хорошими. Не новыми, но крепкими. Кольчуга, шлем, наплечники, наколенники. Фат примерил. Подошло.

— Сколько? — спросил он.

— Уже оплачено, — сказал кузнец. — Лорд де Грей заплатил.

Фат кивнул. Он не удивился. Де Грей был щедрым. Слишком щедрым. Но Фат не думал об этом. Он думал о войне. О Египте. О том, что скоро он увидит песок и солнце. И, может быть, смерть.

Вечером он вернулся в таверну. Снял комнату — маленькую, с кроватью, с столом, с окном, которое выходило на улицу. Он сидел на кровати, смотрел на крест Элис. Долго. Потом спрятал его за пазуху. Лёг. Закрыл глаза.

Он думал о Хью. О том, как мальчик смотрел на него. Как ждал, что отец научит его чему-то важному. Как хотел быть похожим на него. Фат не знал, хорошо это или плохо. Он не был героем. Он был солдатом. А солдаты не герои. Солдаты — это люди, которые делают то, что должны, и стараются не думать о том, что могло бы быть.

Он думал об Элис. О её руках. О её голосе. О том, как она сказала: «Просто вернись». Он хотел вернуться. Он хотел вернуться к ней. К Хью. К этой земле. К этому дому. Но он знал: война меняет людей. Он видел это. Он знал это. И он боялся не смерти. Он боялся того, кем он станет, если выживет.

Он думал о де Грее. О его медальоне. О том, кто был на портрете. О том, почему де Грей не пошёл на войну снова. О

том, что он скрывал. Фат не знал ответов. Но он чувствовал: что-то здесь не так. Что-то, чего он не понимает. Что-то, что может изменить всё.

Он заснул с этим чувством. И проснулся с ним же.

Утром он уехал из Лондона. Доспехи были у кузнеца. Лошади — в конюшне. Деньги — в кошеле. Всё было готово. Оставалось только одно: вернуться домой. Попрощаться. И уйти на войну.

Он ехал медленно. Думал о том, что ждёт его впереди. О том, что он оставляет позади. О том, что он может не вернуться.

Он не знал, что де Грей уже открыл медальон. Что он смотрел на портрет брата. Что он сказал тихо, сам себе: «Я найду тебя, Фат. Я найду тебя, и ты ответишь за всё».

Он не знал. Но это уже началось. Война, которая была страшнее крестового похода. Война, которая была внутри Англии. Война, которая была внутри де Грея. Война, которая была внутри Фата.

Она только начиналась.

Глава 4. Сбор в Смитфилде

Смитфилд был полем за городскими стенами — большим, открытым, с редкими деревьями по краям и ручьём, который летом пересыхал, а весной превращался в грязную канаву. Когда-то здесь торговали скотом. Сегодня здесь собирались люди.

Фат приехал на рассвете. Он оставил лошадь в конюшне у Олдгейта и пошёл пешком — хотел почувствовать землю под ногами, увидеть всё своими глазами. Он не любил сюрпризов. Особенно на войне.

Поле было полно народу. Рыцари в доспехах, лучники в кожаных куртках, оруженосцы, слуги, священники, торговцы, шлюхи, воры. Все они собрались здесь, как стая птиц перед перелётом. Только перелёт был не на юг. Перелёт был в Египет.

Фат шёл через толпу, ища знакомые лица. Он знал многих. Английский отряд был небольшим — всего несколько сотен человек. Но это были лучшие. Те, кто выжил в Уэльсе, в Шотландии, в Гаскони. Те, кто знал, что такое война. И те, кто знал, что такое смерть.

— Фат! Старый пёс!

Он обернулся. К нему шёл мужчина — высокий, худой, с рыжей бородой и улыбкой, которая не покидала его лица даже в самые тёмные времена. Уильям Стоун. Уилл. Лучник. Его друг.

— Уилл, — сказал Фат. — Ты всё ещё жив.

— А ты всё ещё хромаешь? — Уилл хлопнул его по плечу. — Нет, серьёзно. Я думал, ты уже сдох. Или стал епископом. Или и то, и другое.

— Я стал отцом.

— О, Господи. — Уилл закатил глаза. — Бедный ребёнок. Мальчик или девочка?

— Мальчик. Хью. Ему двенадцать.

— Двенадцать! — Уилл присвистнул. — Значит, ты не терял времени зря. А я всё ещё холост. И, слава Богу. Женщины — это война, которая никогда не кончается.

Фат усмехнулся. Впервые за много дней. Уилл всегда умел поднять настроение. Даже когда всё было плохо.

— Ты идёшь? — спросил Фат.

— Иду. — Уилл похлопал по луку за спиной. — Кто-то же должен прикрывать твою спину. Ты, я помню, никогда не умел следить за тем, что сзади.

— Я следил. Просто у меня были другие дела.

— Да, да. — Уилл махнул рукой. — Скажи это тем сарацинам, которые чуть не отрезали тебе голову в Уэльсе.

— Это были валлийцы.

— Какая разница? Все они хотят нас убить.

Они засмеялись. Фат чувствовал, как что-то внутри него отпускает. Напряжение, которое он носил с собой последние недели, медленно уходило. Уилл был как глоток свежего воздуха. Как напоминание о том, что жизнь не состоит только из долга и смерти.

— Пошли, — сказал Уилл. — Найдём место, где можно выпить. Пока не началось.

Они нашли таверну у края поля — маленькую, грязную, с вывеской, которая качалась на ветру. Внутри было полно

солдат. Они пили, смеялись, играли в кости. Кто-то пел песню — старую, про рыцаря, который вернулся с войны и нашёл свою жену в объятиях другого. Песня была грустной, но солдаты пели её весело. Как всегда.

Фат и Уилл сели в углу. Заказали эля. Уилл пил жадно, большими глотками. Фат — медленно, маленькими. Он не хотел напиться. Он хотел думать.

— Ты боишься? — спросил Уилл.

— Нет.

— Врёшь.

— Вру.

Уилл усмехнулся.

— Я тоже боюсь. — Он отставил кружку. — Не смерти. Смерти я не боюсь. Я боюсь, что умру зря. Что моя смерть ничего не изменит. Что обо мне забудут.

Фат молчал. Он думал о том же. О том, что он может умереть в песках Египта, и никто не вспомнит его имени. Никто, кроме Элис. Кроме Хью. Кроме Уилла.

— Нас не забудут, — сказал он. — Мы идём за короля. За веру. За Англию.

— За короля, — повторил Уилл. — За веру. За Англию. — Он покачал головой. — Скажи мне, Фат. Ты правда веришь в это? В то, что мы идём за что-то важное? Или ты просто говоришь то, что должен говорить?

Фат молчал. Долго. Потом сказал:

— Я не знаю. Я никогда не знал. Я просто делаю то, что должен.

— Вот и я также. — Уилл поднял кружку. — За нас, Фат. За тех, кто делает то, что должен. И за тех, кто выживает.

Они выпили.

К полудню поле заполнилось до краёв. Фат и Уилл вышли из таверны и встали у края, смотря на толпу. Рыцари проверяли доспехи. Лучники натягивали тетивы. Оруженосцы чистили лошадей. Священники ходили между людьми, раздавая благословения. Всё было как всегда. Как перед любой войной.

К ним подошёл молодой человек. Лет двадцати, не больше. Худой, бледный, с глазами, которые смотрели на всех с ужасом. На нём был новый доспех — слишком новый, слишком блестящий. Как будто его только что купили. Что, скорее всего, было правдой.

— Простите, — сказал он. — Вы лорд Фат?

— Я.

— Меня зовут Гилберт. Гилберт де Клер. Я должен был служить под вашим началом. Мой отец договорился.

Фат посмотрел на него. На его руки. Они дрожали. На его лицо. Оно было бледным, как мел. На его глаза. В них был страх. Настоящий, животный страх.

— Ты был на войне? — спросил Фат.

— Нет, милорд. Это моя первая.

— Понятно. — Фат помолчал. — Ты боишься?

Гилберт замялся. Он хотел сказать «нет». Это было видно. Он хотел казаться храбрым. Но не мог. Страх был сильнее.

— Да, милорд, — сказал он тихо. — Боюсь.

Фат кивнул. Он не засмеялся. Не унизил его. Не сказал, что он трус. Он просто положил руку ему на плечо.

— Страх — не позор, — сказал он. — Позор — бросить своих. Ты понимаешь?

Гилберт кивнул.

— Хорошо. — Фат убрал руку. — Держись рядом со мной. Смотри, что я делаю. Слушай, что я говорю. И не геройствуй. Герои умирают первыми. Понял?

— Понял, милорд.

— Тогда иди. Проверь доспехи. И найди себе оруженосца. Ты не должен быть один.

Гилберт кивнул, повернулся, ушёл. Фат смотрел ему вслед. Он помнил себя таким же. Молодым, испуганным, с новым доспехом и дрожащими руками. Он выжил. Может, и Гилберт выживет. Может.

— Ты добрый, — сказал Уилл.

— Я не добрый. Я практичный. Мёртвый солдат бесполезен.

— Ну конечно. — Уилл усмехнулся. — Ты всегда так говоришь. А потом оказывается, что ты просто добрый.

Фат не ответил. Он смотрел на поле. На людей. На солдат. На тех, кто пойдёт с ним в Египет. На тех, кто может не вернуться.

Ближе к вечеру появились французы.

Их было немного — человек двадцать, не больше. Но они держались особняком. Смотрели на англичан свысока. Как на собак. Как на что-то низшее. Их командир — граф с длинным носом и надменным лицом — прошёл мимо, даже не кивнув.

— Вот уроды, — сказал Уилл.

— Тише, — сказал Фат. — Они наши союзники.

— Союзники? — Уилл сплюнул. — Они смотрят на нас как на грязь. Они думают, что мы здесь только для того, чтобы умирать за них.

— Может, и так. Но мы здесь. И мы будем драться. Вместе с ними. Или без них.

Уилл покачал головой. Он не верил в союзников. Он вообще мало во что верил. Кроме Фата. И своего лука.

Вечером Фат стоял у края поля, смотрел на закат. Небо было красным, как кровь. Как будто предупреждало о том, что будет дальше.

Он думал о доме. О Элис. О Хью. О том, как они сидели за столом, ели кашу, смеялись. Он думал о том, что, может быть, никогда их больше не увидит. О том, что, может быть, умрёт в чужой земле, среди чужих людей, за чужое дело.

Он достал крест Элис. Посмотрел на него. Медный, потёртый, с изображением Христа. Он сжал его в ладони. Почувствовал тепло. Как будто Элис была рядом. Как будто она держала его за руку.

— Я вернусь, — прошептал он. — Обещаю.

Он не знал, сдержит ли обещание. Но он хотел верить. Он должен был верить.

Уилл подошёл сзади, встал рядом. Молчал. Долго. Потом

сказал:

— Завтра мы уходим.

— Завтра.

— Ты готов?

— Нет. — Фат убрал крест. — Но я пойду.

— Я знаю. — Уилл положил руку ему на плечо. — Я с тобой. До конца.

— До конца, — повторил Фат.

Они стояли так, пока не стемнело. Двое солдат. Двое друзей. Двое людей, которые знали, что война — это не приключение. Война — это смерть. И они шли на неё. Потому что должны были. Потому что кто-то должен.

Утром они ушли.

Глава 5. Прощание

Дорога домой заняла у Фата весь день.

Он ехал через поля, мимо деревень, мимо церквей с низкими колокольнями, мимо мельниц, которые скрипели на ветру, как старики. Англия была зелёной и тихой. Как будто не было никакой войны. Как будто никто никуда не уезжал. Как будто всё останется прежним.

Фат знал, что это ложь. Он видел, как меняются люди, когда приходит война. Видел, как жёны провожают мужей, как матери плачут над сыновьями, как дети остаются без отцов. Он видел это в Уэльсе, в Шотландии, в Гаскони. Теперь он увидит это здесь. В своём доме. В своей семье.

Он подъехал к усадьбе, когда солнце уже клонилось к закату. Двор был пуст. Куры копошились в грязи, собака спала у конюшни, из трубы шёл дым. Всё как обычно. Как всегда. Как будто ничего не должно измениться.

Он слез с лошади, привязал её к столбу, вошёл в дом.

Элис стояла у печи. Она не обернулась, когда он вошёл. Но он видел, как напряглись её плечи. Она знала. Она всегда знала.

— Я вернулся, — сказал он.

— Вижу. — Она обернулась. Улыбнулась. Но улыбка была

не такой, как раньше. Не тёплой. Не спокойной. В ней была грусть. Глубокая, тихая, как вода в колодце. — Ты голоден?

— Нет.

— Врёшь.

Он усмехнулся. Она всегда знала, когда он врал. Всегда.

Они сели за стол. Элис налила ему эля, поставила хлеб, сыр, холодное мясо. Он ел медленно, смотрел на неё. Она постарела за эти две недели. Или ему казалось. Может, это он постарел. Может, это война уже началась для него — здесь, в этом доме, за этим столом, среди того, что он любил.

— Хью где? — спросил он.

— В деревне. Помогает Томасу с изгородью.

— Хорошо. — Фат помолчал. — Мне нужно с ним поговорить. Перед тем как уеду.

— Он знает.

— Знает что?

— Что ты уезжаешь. — Элис посмотрела на него. — Он не глупый, Эдгар. Он видит. Он слышит. Он понимает больше, чем мы думаем.

Фат кивнул. Он знал это. Он всегда знал. Хью был смышлёным. Слишком смышлёным для своего возраста. Как и он сам когда-то.

— Я поговорю с ним вечером, — сказал он.

— Поговори. — Элис встала, убрала со стола. — И будь с ним мягче. Он боится. Не за себя. За тебя.

Фат молчал. Он не знал, что сказать. Он не умел быть мягким. Он умел быть твёрдым. Умел быть справедливым. Умел быть солдатом. Но мягким — не умел. Элис знала это. И всё равно просила.

Хью пришёл вечером.

Он вошёл в дом тихо, не как обычно — не влетел с криком, не бросился к отцу. Он остановился в дверях, посмотрел на Фата. Долго. Потом сказал:

— Ты уезжаешь.

Не вопрос. Утверждение. Как у Элис. Как у всех в этом доме.

— Уезжаю, — сказал Фат. — Завтра.

— Надолго?

— Не знаю. Год. Может, два.

Хью кивнул. Он не заплакал. Не надулся. Он просто стоял и смотрел. Как взрослый. Как мужчина. Фат почувствовал, как что-то сжалось у него в груди. Его сын вырос. Пока он ездил в Лондон, подписывал бумаги, покупал доспехи — его сын вырос. И он это пропустил.

— Сядь, — сказал Фат. — Поговорим.

Хью сел. Напротив. Положил руки на стол. Как Фат. Как солдат. Фат увидел это и подумал: он копирует меня. Он хочет быть как я. Бедный мальчик. Он не знает, что это значит.

— Я уезжаю не потому, что хочу, — начал Фат. — Я уезжаю потому, что должен. Я дал присягу. Я — офицер. Король приказал. Я не могу отказаться.

— Я знаю, — сказал Хью. — Ты всегда делаешь то, что

должен.

— Да. — Фат помолчал. — И ты должен делать то же самое. Пока меня не будет — ты останешься за главного. Ты будешь заботиться о матери. О земле. О доме. Ты понимаешь?

Хью кивнул.

— Я понимаю.

— Хорошо. — Фат наклонился вперёд. — И ещё одно. Если я не вернусь...

— Ты вернёшься.

— Если я не вернусь, — повторил Фат твёрдо, — ты не должен винить себя. Не должен винить короля. Не должен винить никого. Ты просто должен жить. Растить детей. Заботиться о матери. Быть человеком. Понял?

Хью молчал. Долго. Потом сказал:

— Понял.

— Хорошо. — Фат откинулся на спинку. — Теперь иди.

Мне нужно собраться.

Хью встал. Пошёл к двери. Остановился. Обернулся.

— Отец.

— Да?

— Я буду ждать. — Он сказал это тихо, но твёрдо. — Я буду ждать тебя. Сколько бы времени ни прошло.

Фат смотрел на него. На своего сына. На мальчика, который стал мужчиной, пока он не видел. И думал: я не заслуживаю такого сына. Но я постараюсь быть достойным.

— Спасибо, — сказал он. — А теперь иди.

Хью ушёл. Фат остался один. Он сидел за столом, смотрел на свечу. Думал о том, что завтра он уедет. Завтра он оставит всё это. Завтра начнётся что-то новое. Что-то страшное.

Ночью он не спал.

Он лежал рядом с Элис, слушал её дыхание. Смотрел в потолок. Думал о том, что завтра он уедет. Завтра он оставит её. Завтра он может не вернуться.

Он повернулся к ней. Она не спала. Смотрела на него. В темноте её глаза казались чёрными. Глубокими. Как колодцы.

— Ты не спишь, — сказала она.

— Не спится.

— Думаешь?

— Думаю.

Она придвинулась ближе. Положила голову ему на плечо.

— О чём?

— Обо всём. — Он помолчал. — О тебе. О Хью. О том, что я могу не вернуться.

— Ты вернёшься.

— Ты не знаешь этого.

— Знаю. — Она подняла голову, посмотрела на него. — Я знаю это, потому что ты обещал. А ты всегда держишь слово.

Всегда.

Фат молчал. Он хотел верить, что она права. Он хотел верить, что вернётся. Но что-то внутри него — что-то тёмное, холодное — говорило: нет. Ты не вернёшься. Или вернёшься другим. Или не вернёшься вовсе.

— Элис, — сказал он тихо.

— Да?

— Если я не вернусь... — он замолчал. — Если я не вернусь, найди себе кого-нибудь. Не оставайся одна. Не трать жизнь на ожидание.

Она отстранилась. Посмотрела на него. В её глазах было что-то такое, чего он раньше не видел. Не злость. Не боль. Что-то глубже. Что-то сильнее.

— Не говори так, — сказала она. — Никогда не говори так. Я не буду искать никого. Я буду ждать тебя. Сколько бы времени ни прошло. Как Хью. Как все мы. Понял?

Фат кивнул. Он не знал, что сказать. Он никогда не знал.

Она снова положила голову ему на плечо. Закрыла глаза.

Через минуту она спала. Или делала вид, что спит. Фат не знал. Он просто лежал и смотрел в потолок. И ждал утра. И боялся его. И хотел, чтобы оно никогда не наступило.

Утром он встал раньше петуха.

Оделся тихо, чтобы не разбудить Элис. Вышел во двор. Небо было серым, как всегда в Англии. Пахло дождём. Пахло домом.

Он постоял, смотря на поля. На вал. На дорогу. На всё, что оставлял. Потом вернулся в дом. Элис стояла на кухне. Она не спала. Ждала его.

— Ты готов? — спросила она.

— Готов.

Она подошла. Обняла. Крепко. Как в последний раз. Может, так и было.

— Возвращайся, — прошептала она.

— Вернусь.

Он поцеловал её. Долго. Потом отстранился. Посмотрел

на неё. Запомнил. Каждую черту. Каждый взгляд. Каждую морщинку.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Я знаю. — Она улыбнулась. — Я тоже тебя люблю. А теперь иди. Пока Хью не проснулся. Не люблю прощания.

Фат кивнул. Взял сумку. Вышел. Не обернулся. Знал: если обернётся — не уйдёт. А он должен был уйти. Должен.

Он дошёл до конюшни, оседлал лошадь, привязал сумку. Вывел её во двор. И тут услышал.

— Отец!

Он обернулся. Хью стоял в дверях конюшни. Бледный, с растрёпанными волосами, в одной рубахе — видно, только что вскочил с постели. И не один. За ним, в тени, стояла лошадь. Оседланная. С сумкой.

— Что это? — спросил Фат.

Хью молчал. Он смотрел на отца. В его глазах был страх. Но не тот страх, что у Гилберта. Другой. Страх быть оставленным.

— Я еду с тобой, — сказал Хью.

Фат спешился. Подошёл к сыну. Медленно. Остановился в шаге от него.

— Ты не едешь, — сказал он.

— Я еду. Я уже собрал вещи. Я буду помогать. Я буду...

— Ты не едешь.

— Почему? — Хью повысил голос. — Почему ты всегда решаешь за меня? Я уже не ребёнок! Я могу держать меч! Я могу ездить на лошади! Я не буду обузой!

— Ты не едешь, — повторил Фат. — Потому что я так сказал.

— Это не ответ!

— Это единственный ответ, который ты получишь.

Хью смотрел на него. В его глазах блестели слёзы. Но он не плакал. Он держался. Как мужчина. Как солдат. Как Фат.

— Ты боишься, — сказал Хью тихо. — Ты боишься, что я умру. Как ты боишься, что умрёшь сам. Ты боишься всего. И поэтому ты не пускаешь меня. Не потому, что я ребёнок. А потому, что ты боишься.

Фат замер. Слова сына ударили его сильнее, чем любой меч. Потому что это была правда. Он боялся. Он боялся потерять сына. Он боялся, что Хью умрёт там, в песках, за чужие грехи. Он боялся, что не сможет его защитить. Он боялся, что сын повторит его судьбу.

И тогда он сделал то, что делали его отец и дед. То, что делали все мужчины в их роду, когда не находили слов. Он ударил.

Кулак Фата врезался в скулу Хью. Мальчик отлетел назад, упал на солому. Фат навис над ним, схватил за рубаху, поднял.

— Ты не поедешь! — заорал он. — Слышишь меня? Ты не поедешь! Я не позволю тебе умереть! Я не позволю!

Хью смотрел на него. Скула горела красным. Из уголка рта текла кровь. Но он не плакал. Он смотрел на отца. И в его глазах было не страх. Не боль. Понимание.

Фат отпустил его. Отступил на шаг. Посмотрел на свою руку. На кулак, которым только что ударил сына. Рука дрожала.

— Хью... — прошептал он. — Прости. Я не хотел.

Хью поднялся. Вытер кровь с губы. Посмотрел на отца. Долго. Потом сказал:

— Я знаю.

Они стояли так — отец и сын, в полутьме конюшни, среди соломы и запаха лошадей. Потом Фат шагнул вперёд. Обнял сына. Крепко. Как обнимают в последний раз. Может, так и было.

— Я вернусь, — сказал он. — Обещаю. Я вернусь, и мы вместе поедем в Лондон. Я покажу тебе Тауэр. И реку. И всё, что захочешь. Только жди меня. Понял? Жди.

Хью кивнул. Он не мог говорить. Горло сжалось. Он просто кивнул и прижался к отцу. И стоял так, пока Фат не отстранился.

— Иди в дом, — сказал Фат. — Успокой мать. Скажи, что я уехал. Что я вернусь.

— А если не вернёшься? — прошептал Хью.

Фат помолчал. Потом сказал:

— Тогда ты станешь главой семьи. Ты будешь заботиться о матери. Ты будешь держать землю. Ты будешь жить. И ты не будешь меня винить. Понял?

Хью кивнул.

— Хорошо. — Фат потрепал его по волосам. — А теперь иди.

Хью пошёл к дому. У двери обернулся. Посмотрел на отца. Фат стоял у лошади, держал повод. Смотрел на сына. Долго. Потом поднял руку. Помахал. Хью помахал в ответ. И скрылся за дверью.

Фат сел на лошадь. Выехал со двора. На дорогу. Которая вела в Лондон. Потом в Египет. Потом в смерть. Или в жизнь. Он не знал.

За его спиной остался дом. Осталась Элис. Остался Хью. Осталось всё, что он любил. Осталось всё, что он терял.

Он не обернулся. Он ехал вперёд. Как всегда. Как солдат. Как человек, который делает то, что должен.

Глава 6. Море

Порт был полон криков.

Люди грузили лошадей, оружие, провизию. Матросы ругались, рыцари отдавали приказы, оруженосцы бегали с мешками и сундуками. В воздухе пахло солью, рыбой, потом и страхом. Страх был везде. В глазах молодых солдат, в дрожащих руках, в бледных лицах. Они не показывали его. Но Фат видел. Он всегда видел.

Он стоял на пристани, держа лошадь под уздцы. Рядом Уилл проверял свой лук — натягивал тетиву, отпускал, снова натягивал. Как будто это могло что-то изменить.

— Ты когда-нибудь плавал? — спросил Уилл.

— Плавал.

— Да? И как?

— Плохо.

Уилл усмехнулся.

— Я тоже. Меня тошнит от одной мысли о воде. Как я буду сражаться, если меня будет тошнить?

— Ты будешь сражаться на суше. До Египта мы не дойдём пешком.

— Утешил.

Фат не ответил. Он смотрел на корабль — большой, неуклюжий, с высокими бортами и широким корпусом. На таких кораблях плавали купцы, перевозили вино, шерсть, зерно. Теперь на них перевозили людей. Солдат. Крестоносцев. Пушечное мясо.

Гилберт де Клер стоял неподалёку, прижимая к груди сумку. Его новый доспех блестел на солнце. Он выглядел как ребёнок, который случайно забрёл на войну. Может, так и было.

Фат подошёл к нему.

— Ты готов?

— Да, милорд. — Голос дрожал. — Я никогда не плавал

на корабле.

— Ничего. Привыкнешь.

— А если шторм?

— Тогда мы умрём.

Гилберт побледнел. Фат понял, что сказал не то. Он не умел утешать. Он умел говорить правду. Но правда не всегда была нужна.

— Штормы бывают, — сказал он мягче. — Но мы справимся. Держись за что-нибудь крепкое. И не смотри на воду. Понял?

— Понял.

— Хорошо. Пошли. Нас ждут.

Они поднялись на борт. Корабль качнулся под ногами. Гилберт схватился за борт. Фат устоял. Он привык к качке. В Уэльсе, когда они переправлялись через реки, он видел, как люди падают за борт. Он не хотел повторять их судьбу.

Матросы отвязали канаты. Паруса наполнились ветром.

Корабль медленно отошёл от пристани. Земля начала удаляться. Англия — зелёная, тихая, родная — становилась всё меньше и меньше. Пока не превратилась в тонкую полоску на горизонте. Потом исчезла.

Фат стоял на палубе, смотрел на воду. Долго. Потом достал крест Элис. Сжал в ладони.

— Я вернусь, — прошептал он. — Обещаю.

Шторм начался на третий день.

Сначала было тихо. Слишком тихо. Ветер стих. Море стало гладким, как стекло. Матросы переглядывались, качали головами. Фат не понимал, что происходит. Уилл понимал.

— Это затишье перед бурей, — сказал он. — Так всегда бывает. Море как будто дышит. Вдох. Выдох. А потом — удар.

Удар случился ночью.

Корабль застонал. Как будто ему было больно. Волны били в борта, палуба накренилась, люди попадали. Кто-то закричал. Кто-то начал молиться. Фат схватился за канат, устоял на ногах. Рядом Гилберт упал, покатился по палубе. Фат

схватил его за руку, удержал.

— Держись! — заорал он. — Держись за меня!

Гилберт вцепился в его руку. Его лицо было белым. Губы шевелились. Он молился. Или плакал. Фат не знал. Он просто держал его. И смотрел в темноту. В шторм. В смерть.

Шторм длился всю ночь. Утром море успокоилось. Но люди — нет. На палубе лежали тела. Трое матросов, двое солдат. Их смыло волной. Никто не успел их спасти. Никто не успел даже закричать.

Фат стоял над телами. Смотрел на их лица. Молодые. Испуганные. Даже мёртвые, они выглядели испуганными. Как будто смерть застала их врасплох. Как будто они не верили, что это случится с ними.

— Похороните их, — сказал он. — По-христиански. С молитвой.

Матросы кивнули. Тела завернули в парусину, прочитали молитву, опустили в море. Фат смотрел, как они исчезают в волнах. Думал: это только начало. Это только первый шторм. Сколько ещё будет?

Болезнь началась на второй неделе.

Сначала это была дизентерия. Потом — лихорадка. Люди умирали в трюмах, среди мешков и бочек, в темноте и вони. Фат спускался туда каждый день. Смотрел. Помогал. Он не был лекарем. Но он умел держать людей. Умел заставлять их пить воду, есть, не сдаваться.

— Ты не должен туда ходить, — сказал Уилл. — Ты заболеешь.

— Я не заболею.

— Откуда ты знаешь?

— Я не болел в Уэльсе. Не заболею и здесь.

Уилл покачал головой. Он не верил. Но не спорил. Он знал: Фат всё равно пойдёт. Он всегда шёл туда, куда другие не хотели.

В трюме было темно. Свет пробивался только через щели в палубе. Пахло рвотой, поносом, гнилью. Люди лежали на соломе, укрытые рваными одеялами. Кто-то стонал. Кто-то молчал. Кто-то уже не дышал.

Фат нашёл молодого солдата — парня лет восемнадцати, с веснушками и рыжими волосами. Он лежал в углу, сжавшись в комок. Его знобило. Губы посинели. Глаза были открыты, но смотрели в никуда.

Фат присел рядом. Достал флягу с водой. Поднёс к губам.

— Пей.

Парень не реагировал. Фат приподнял его голову, влил воду. Парень поперхнулся, закашлялся. Открыл глаза. Посмотрел на Фата. Долго. Потом прошептал:

— Я умру?

Фат молчал. Он не знал, что сказать. Он не хотел врать. Но и правда была слишком жестокой.

— Нет, — сказал он. — Ты выживешь.

Парень улыбнулся. Слабо. Едва заметно.

— Врёшь, — прошептал он. — Все врут.

Он закрыл глаза. Через минуту его не стало. Фат держал его руку, пока она не остыла. Потом отпустил. Встал. Вышел

из трюма. Поднялся на палубу. Вдохнул свежий воздух. Посмотрел на море. На небо. На солнце.

— За что? — прошептал он. — За что мы умираем? За короля? За веру? За Египет?

Никто не ответил. Только волны били в борт. Только ветер шумел в парусах. Только чайки кричали где-то вдалеке.

Фат стоял и смотрел. Долго. Потом вернулся в трюм. Там были ещё живые. Им нужна была помощь. Он не мог их оставить. Не мог.

Кипр показался на горизонте через месяц.

Зелёный остров, с белыми скалами, с пальмами, с домами из светлого камня. Крестоносцы сошли на берег. Земля качнулась под ногами. Фат схватился за плечо Уилла, чтобы не упасть. Уилл засмеялся.

— Привыкай. Мы больше не на корабле.

— Слава Богу.

Они разбили лагерь у порта. Ждали французов. Ждали приказов. Ждали войны. Фат ходил по лагерю, смотрел на

людей. Многие были больны. Многие — мертвы. Но те, кто выжил, были готовы. Они смотрели на него. Ждали, что он скажет. Что он сделает.

Он не знал, что сказать. Он не был командиром. Он был офицером. Офицеры не говорят речей. Офицеры отдают приказы.

— Готовьтесь, — сказал он. — Завтра мы выступаем.

— Куда? — спросил Гилберт.

— В Египет. — Фат посмотрел на него. — В Дамиетту. В смерть. Или в победу. Мы узнаем это, когда дойдём.

Гилберт кивнул. Он больше не бледнел. Не дрожал. Он привык. Как привык Фат. Как привыкли все, кто выжил.

Вечером Фат сидел у костра. Смотрел на огонь. Думал о доме. О Элис. О Хью. О том, что он им написал. Письмо было коротким: «Я жив. Плывём в Египет. Люблю вас. Эдгар». Он не знал, дойдёт ли оно. Не знал, прочитают ли они его. Но он написал. Это было всё, что он мог сделать.

Уилл подошёл, сел рядом. Молчал. Долго. Потом сказал:

— Ты думаешь о них?

— О ком?

— О жене. О сыне.

— Думаю.

— Я тоже думаю. О своей матери. О том, что она там, одна. Ждёт меня. Молится. — Уилл помолчал. — Я не говорил тебе. У меня был брат. Он умер в прошлом году. Лихорадка. Я не успел даже попрощаться.

Фат посмотрел на него. Уилл никогда не говорил о брате. Никогда.

— Мне жаль.

— Мне тоже. — Уилл усмехнулся. — Он был хорошим. Лучше меня. Всегда помогал матери. Всегда был рядом. А я... я ушёл. Воевать. За короля. За веру. За Англию. — Он покачал головой. — И что я получил? Шрамы. Друзей, которые умерли. И брата, которого я не успел похоронить.

Фат молчал. Он не знал, что сказать. Он никогда не знал.

— Ты не виноват, — сказал он наконец.

— Знаю. — Уилл посмотрел на него. — Но это не помогает.

Они сидели у костра, пока не стемнело. Двое солдат. Двое друзей. Двое людей, которые знали, что война — это не приключение. Война — это смерть. И они шли на неё. Потому что должны были. Потому что кто-то должен.

Утром они выступили в Египет.

Глава 7. Кипр. Чужая война

Кипр был раем.

Фат понял это в первый же день. Зелёные холмы, виноградники, оливковые рощи, море такого синего цвета, что глазам было больно. Воздух пах сладким, незнакомым — цветами, специями, нагретым камнем. После серой Англии, после шторма, после трюма, где люди умирали в собственных испражнениях, это казалось насмешкой. Как будто Бог решил показать им, что бывает иначе. Что где-то есть жизнь без грязи и смерти.

Но смерть была и здесь.

Она пряталась в лагере, среди палаток, среди людей. Она ждала. Фат видел её в глазах солдат, которые ещё не оправились от болезни. Видел в телах, которые каждое утро выносили за лагерь. Видел в тишине, которая наступала после заката, когда люди сидели у костров и молчали. Они думали об одном и том же. О доме. О том, что ждёт их впереди. О том, что они могут не вернуться.

Фат ходил по лагерю каждый день. Смотрел. Слушал. Запоминал. Он знал, что это его работа — быть глазами и ушами отряда. Он знал, что если что-то случится, он должен быть готов. Он не знал, что именно случится. Но чувствовал: что-то будет.

Французы прибыли через неделю.

Их корабли были больше, паруса — ярче, доспехи — богаче. Они сошли на берег, как хозяева, — медленно, уверенно, с высоко поднятыми головами. Их командир, граф Роберт д'Артуа, брат короля, прошёл мимо английского отряда, даже не кивнув. Его люди смотрели на англичан как на собак. Как на что-то, что можно использовать и выбросить.

— Вот уроды, — сказал Уилл.

— Тише, — сказал Фат. — Они наши союзники.

— Союзники? — Уилл сплюнул. — Они смотрят на нас как на грязь. Они думают, что мы здесь только для того, чтобы умирать за них.

— Может, и так. Но мы здесь. И мы будем драться. Вместе с ними. Или без них.

Уилл покачал головой. Он не верил в союзников. Он вообще мало во что верил. Кроме Фата. И своего лука.

Людовик прибыл в конце месяца.

Король Франции сошёл с корабля под звон колоколов и пение гимна. Он был высоким, худым, с длинным лицом и глазами, которые смотрели не на людей, а куда-то сквозь них. Как будто он видел что-то, чего не видели другие. Может, Бога. Может, смерть. Фат не знал.

Он стоял в толпе встречающих, смотрел, как король идёт по ковровой дорожке, как священники машут кадилами, как французские рыцари преклоняют колени. Людовик не смотрел на них. Он смотрел в небо. Молился. Или делал вид, что молится.

— Святой человек, — прошептал кто-то рядом.

— Святой, — согласился другой. — Настоящий крестоносец.

Фат молчал. Он не верил в святых. Он верил в солдат. В людей, которые дерутся, умирают, страдают. Людовик не был солдатом. Он был королём. А короли не умирают. Они посылают других.

На следующий день состоялся военный совет.

Английский отряд стоял в стороне, у шатра. Их не пригласили. Они ждали. Час. Два. Три. Наконец вышел французский офицер — молодой, надменный, с улыбкой, которая не предвещала ничего хорошего.

— Король благодарит вас за помощь, — сказал он. — Ваш отряд будет действовать в авангарде. Вы первыми высадитесь в Дамиетте. Первыми встретите врага. Это большая честь.

Уилл шагнул вперёд.

— Честь? — сказал он. — Это не честь. Это смерть. Вы посылаете нас на убой.

Француз посмотрел на него. Как на насекомое.

— Следите за языком, лучник. Или я прикажу вас выпороть.

— Попробуйте.

— Уилл, — сказал Фат. — Довольно.

Он положил руку ему на плечо. Уилл замер. Посмотрел на него. Фат покачал головой. Уилл отступил. Но не успокоился. Он смотрел на француза с ненавистью. Француз улыбнулся. Повернулся. Ушёл.

— Мы для них мясо, — сказал Уилл. — Просто мясо.

— Знаю, — сказал Фат. — Но мы будем драться. Не за них. За себя. За тех, кто ждёт нас дома.

Уилл молчал. Потом кивнул. Он не верил в королей. Не верил в святых. Но верил Фату. Этого было достаточно.

Английский отряд был унижен.

Их не приглашали на советы. Их не спрашивали о планах.

Их не считали. Они были здесь, потому что король Англии был вассалом короля Франции. Они были здесь, потому что должны были быть. Но они были чужими. Никому не нужными. Никем не любимыми.

Фат видел это каждый день. Видел, как французы забирают лучшие палатки, лучшую еду, лучшие места у костра. Видел, как английских солдат отгоняют от колодцев, как их оскорбляют, как над ними смеются. Он видел, как закипает злость в глазах его людей. Знал: если это продолжится, будет бунт.

Он не мог этого допустить. Он собрал отряд. Двадцать человек — те, кто выжил, кто был готов драться, кто не сдался. Он смотрел на них. На их лица. На их глаза. В них была злость. И усталость. И страх.

— Я знаю, что вы чувствуете, — сказал он. — Я знаю, что французы — ублюдки. Я знаю, что они смотрят на нас как на грязь. Но мы не можем драться с ними. Не сейчас. Не здесь. Мы должны держаться вместе. Мы должны быть сильнее. Не для них. Для себя.

— Как? — спросил Гилберт.

— Дисциплиной, — сказал Фат. — Мы не будем мародёр-

ствовать. Не будем напиваться. Не будем драться с французами. Мы будем держать строй. Мы будем выполнять приказы. Мы будем лучшими. Не потому, что они этого хотят. А потому, что мы этого хотим.

Они молчали. Потом Уилл сказал:

— Ты прав. Как всегда. Чёртовски прав.

Фат усмехнулся.

— Я не прав. Я просто старше. И устал от смерти.

Они засмеялись. Впервые за много дней. Это было хорошо. Это было нужно. Это было началом.

Зима на Кипре была мягкой.

Дожди шли редко. Солнце светило почти каждый день. Люди отдыхали, лечились, готовились. Фат ходил по лагерю, проверял посты, разговаривал с солдатами. Он знал каждого по имени. Знал, кто боится, кто храбрится, кто просто ждёт. Он не мог их спасти. Но он мог быть с ними. Это было всё, что он мог.

Иногда он думал о доме. О Элис. О Хью. О том, что они

сейчас делают. Может, сидят за столом. Может, молятся. Может, думают о нём. Он написал им ещё одно письмо. Короткое: «Я жив. Готовимся к высадке. Скоро будем в Египте. Люблю вас. Эдгар». Он не знал, дойдёт ли оно. Но он написал. Это было всё, что он мог.

Однажды вечером к нему подошёл Гилберт.

— Милорд, — сказал он. — Можно спросить?

— Спрашивай.

— Вы боитесь? — Гилберт смотрел на него с надеждой. — Вы когда-нибудь боялись?

Фат молчал. Долго. Потом сказал:

— Боялся. Каждый день. Перед каждым боем. Перед каждой высадкой. Я боюсь и сейчас.

— Но вы же... вы же храбрый. Все так говорят.

— Храбрость — это не отсутствие страха. Это когда ты боишься, но всё равно идёшь. — Фат посмотрел на него. — Ты тоже так сможешь. Просто не думай о страхе. Думай о том, зачем ты здесь. О том, кого ты защищаешь. И тогда

страх уйдёт. На время. Потом вернётся. Но ты будешь готов.

Гилберт кивнул. Он не всё понял. Но он запомнил. Как запоминал всё, что говорил Фат.

Весной они выступили в Египет.

Корабли шли через море — длинной вереницей, с раздутыми парусами, с флагами, которые трепетали на ветру. На флагмане плыл Людовик. Он стоял на палубе, смотрел вперёд, молился. Или делал вид, что молится. Фат не знал. Он стоял на своём корабле, смотрел на воду, на горизонт, на землю, которая приближалась.

Дамиетта показалась на рассвете.

Белый город у моря. Стены, минареты, пальмы. Красивый. Как на картинке. Как во сне. Фат смотрел на него и думал: сколько людей умрёт здесь? Сколько английских, французских, египетских? Сколько матерей не дождутся сыновей? Сколько жён останутся вдовами?

Он не знал ответа. Но он знал другое: он будет среди них. Он будет драться. Он будет убивать. Он будет умирать. И, может быть, выживет. Может быть.

Корабль вошёл в гавань. Якорь упал в воду с громким всплеском. Матросы забегали по палубе. Солдаты начали спускаться в шлюпки. Фат стоял у борта, смотрел на город. На стены. На ворота. На смерть.

— Готов? — спросил Уилл.

— Готов.

— Тогда пошли. — Уилл ухмыльнулся. — Кто-то же должен прикрывать твою спину.

Они спустились в шлюпку. Вёсла ударили по воде. Шлюпка двинулась к берегу. К Дамиетте. К войне. К тому, что ждало впереди.

Фат сжимал крест Элис. Смотрел на город. И думал: я вернусь. Я обещал. Я вернусь.

Он не знал, сдержит ли обещание. Но он хотел верить. Он должен был верить.

Глава 8. Дамиетта

Шлюпка ткнулась в песок.

Фат спрыгнул первым. Вода доходила до колен, холодная, тяжёлая, пропитанная песком. Он вытащил щит, поднял его над головой, пошёл вперёд. За ним — Уилл, Гилберт, остальные. Двадцать человек. Первая волна. Авангард. Мясо.

Берег был пуст.

Фат остановился. Посмотрел на стены. На ворота. На башни. Никого. Ни лучников, ни копейщиков, ни даже собак. Тишина. Только волны били в песок. Только чайки кричали где-то вдалеке.

— Где они? — прошептал Гилберт.

— Ушли, — сказал Уилл. — Или готовят ловушку.

Фат не ответил. Он смотрел на город. Дамиетта стояла перед ним — белая, красивая, мёртвая. Стены были целы. Ворота открыты. Но внутри не было жизни. Ни дыма из труб, ни движения на улицах. Как будто город вымер. Как будто его оставили специально.

— Вперёд, — сказал Фат. — Тихо. Смотрите по сторонам. Не расслабляйтесь.

Они пошли к воротам. Медленно. Осторожно. Фат чув-

ствовал, как напряжены его люди. Как дрожат их руки. Как сбивается дыхание. Он чувствовал то же самое. Но он не показывал. Он шёл первым. Как всегда.

Ворота были открыты. За ними — улица. Пустая. Мостовая, дома, закрытые ставни. Ни звука. Ни движения. Только ветер гонял по камням обрывки бумаг и сухие листья. Фат шагнул внутрь. Остановился. Прислушался.

— Слышите? — спросил он.

— Что? — Уилл напрягся.

— Ничего. Вот именно.

Они прошли ещё немного. Улица вела к площади. Фат знал, что там должно быть что-то. Люди. Солдаты. Сопротивление. Но площадь была пуста. Только фонтан в центре — сухой, с потрескавшимся камнем. Только дома вокруг — с закрытыми дверями, с забитыми окнами.

— Это не город, — сказал Гилберт. — Это могила.

Фат кивнул. Он думал о том же. Дамиетта была могилой. Её оставили. Не потому, что не могли защитить. А потому, что не хотели. Египтяне знали: крестоносцы придут. И реши-

ли не тратить силы. Они отступили. Оставили город. Оставили пустоту.

— Что теперь? — спросил Уилл.

— Ждём остальных, — сказал Фат. — Потом занимаем город. Потом...

Он не договорил. Из-за угла выскочил человек. Молодой, в рваной рубахе, с ножом в руке. Он бросился на Фата. Фат отступил, поднял щит. Нож ударил в дерево, застрял. Фат ударил щитом в ответ. Человек упал. Уилл навёл лук.

— Не стреляй! — крикнул Фат. — Он один!

Человек лежал на камнях, смотрел на них с ужасом. Он что-то говорил — быстро, на арабском. Фат не понимал. Но видел: это не солдат. Это житель. Может, ремесленник. Может, рыбак. Может, просто человек, который не успел уйти.

— Что он говорит? — спросил Гилберт.

— Не знаю. — Фат присел рядом. Поднял руки, показал, что не хочет драться. — Тихо. Тихо. Мы не тронем тебя.

Человек замолчал. Посмотрел на него. Долго. Потом плю-

нул. Прямо в лицо.

Уилл замахнулся. Фат остановил его.

— Не надо.

— Он плюнул в тебя!

— Он боится. — Фат вытер лицо. — Он думает, что мы убьём его. Как все.

Он встал. Посмотрел на человека. Потом на своих людей.

— Оставьте его. Пусть идёт.

— Милорд... — начал Гилберт.

— Пусть идёт. — Фат повернулся. — Мы не убиваем безоружных. Мы не мародёрствуем. Мы не насилуем. Мы не грабим. Мы — солдаты. Не бандиты. Поняли?

Они кивнули. Неохотно. Но кивнули. Человек поднялся, побежал прочь, скрылся за углом. Фат смотрел ему вслед. Думал: он расскажет другим. Что мы не убили его. Что мы не такие, как все. Может, это что-то изменит. Может, нет.

Основные силы высадились к полудню.

Французы шли по улицам, как хозяева. Смеялись, пели, размахивали мечами. Они входили в дома, выносили вещи, тащили ковры, посуду, ткани. Фат видел, как они бьют старика, который пытался защитить свой дом. Видел, как насилуют женщину в переулке. Видел, как поджигают амбар — просто так, ради забавы.

Он не мог это остановить. Он был одним из многих. Английский отряд был маленьким. Французов было больше. Намного больше. Они не слушали его. Они смеялись ему в лицо.

— Оставь, — сказал Уилл, видя, как Фат сжимает кулаки. — Это не наша война. Мы здесь для того, чтобы драться. Не для того, чтобы спасать.

— Мы должны спасать, — сказал Фат. — Иначе зачем мы здесь?

— Затем, что нам приказали.

Фат не ответил. Он смотрел, как горит амбар. Как пламя поднимается к небу. Как дым закрывает солнце. Он думал: это только начало. Это только первый город. Сколько ещё

будет? Сколько людей умрёт? Сколько домов сгорит? Сколько женщин будет изнасиловано? Сколько детей останется без родителей?

Он не знал ответа. Но он знал другое: он не хотел быть частью этого. Он хотел драться. Но не так. Не так.

Вечером он собрал своих людей.

— Слушайте, — сказал он. — Я знаю, что вы видели сегодня. Я знаю, что вы чувствуете. Я тоже это видел. Я тоже это чувствую. Но мы не должны становиться как они. Мы не должны грабить. Не должны насиловать. Не должны убивать безоружных. Мы — английский отряд. Мы — солдаты. Мы — люди. Поняли?

Они молчали. Потом Уилл сказал:

— А что мы должны делать? Смотреть, как они грабят? Стоять в стороне?

— Нет. Мы должны защищать. Тех, кто не может защититься. Тех, кто слаб. Тех, кто не солдат. Мы должны быть лучше. Не потому, что мы лучше. А потому, что мы должны.

Они молчали. Долго. Потом Гилберт сказал:

— Я с вами, милорд.

За ним — ещё один. Потом ещё. Потом все. Фат кивнул. Он не знал, что из этого выйдет. Но он знал: он попробует. Он должен попробовать.

Ночью он не спал.

Он сидел на стене, смотрел на город. На пожары, которые не потухли. На дым, который поднимался к небу. На луну, которая была красной, как кровь. Он думал о доме. О Элис. О Хью. О том, что они сейчас делают. Может, спят. Может, молятся. Может, думают о нём.

Он достал крест Элис. Посмотрел на него. Медный, потёртый, с изображением Христа. Он сжал его в ладони. Почувствовал тепло. Как будто Элис была рядом. Как будто она держала его за руку.

— Я вернусь, — прошептал он. — Обещаю.

Он не знал, сдержит ли обещание. Но он хотел верить. Он должен был верить.

Утром Дамиетта была взята.

Французы объявили победу. Звонили колокола. Священники служили благодарственные молебны. Людовик стоял на площади, смотрел на людей, улыбался. Он не видел трупов. Не видел пожара. Не видел слёз. Он видел только победу. Только славу. Только Бога.

Фат стоял в толпе, смотрел на него. Думал: он не знает. Он не знает, что мы сделали. Он не знает, что мы убили. Он не знает, что мы сожгли. Он думает, что это война. А это не война. Это бойня.

Он не сказал этого вслух. Он знал: его не услышат. Он просто стоял и смотрел. И думал о доме. О Элис. О Хью. О том, что он должен вернуться. Во что бы то ни стало.

Потому что там, дома, была жизнь. А здесь была только смерть.

Глава 9. Дорога к Мансуре

Поход начался на рассвете.

Крестоносцы вышли из Дамиетты через южные ворота — длинной колонной, растянувшейся на несколько миль. Впереди шла конница, за ней — пехота, за ней — обоз с прови-

зией и осадными орудиями, за ним — снова пехота. Фат шёл в середине колонны, вместе с английским отрядом. Он смотрел на дорогу, которая уходила вперёд, в пустыню, и думал: сколько нам идти? Сколько дней? Сколько смертей?

Никто не знал ответа. Командиры говорили о неделе. Может, о двух. Мансура была недалеко — город на берегу Нила, укреплённый, важный. Взять его — значит открыть путь на Каир. Взять Каир — значит победить. Так говорили. Так думали. Так надеялись.

Фат не надеялся. Он просто шёл.

Первый день прошёл спокойно. Дорога была ровной, песок — твёрдым, солнце — терпимым. Люди шутили, пели песни, вспоминали дом. Гилберт шёл рядом с Фатом, задавал вопросы — про Египет, про мамлюков, про то, как они сражаются. Фат отвечал. Коротко. По делу. Он не любил рассказывать о войне. Но Гилберт хотел знать. И Фат не мог ему отказать.

— Они конные, — говорил он. — Быстрые. Лучше нас. Если атакуют — не пытайся убежать. Стой. Держи строй. Копья вперёд. Они не любят копий.

— А если прорвут строй?

— Тогда молись.

Гилберт бледнел. Но не отступал. Он запоминал. Как запоминал всё, что говорил Фат.

Второй день был тяжелее.

Солнце поднялось выше. Воздух стал густым, тяжёлым, как будто его можно было пить. Мухи появились откуда-то — тысячи мух, чёрных, наглых, которые лезли в глаза, в рот, в нос. Люди отмахивались, ругались, но мухи не уходили. Они были везде. Как будто ждали этого похода. Как будто знали, что будет много еды.

Вода в бурдюках нагрелась. Она пахла кожей и тиной. Фат пил медленно, маленькими глотками. Он знал: если пить быстро — станет хуже. Если не пить вообще — умрёшь. Он выбрал середину.

Уилл шёл рядом, молчал. Редко с ним такое бывало. Обычно он шутил, смеялся, рассказывал истории. Сегодня — молчал. Фат посмотрел на него. Лицо Уилла было серым. Губы потрескались. Глаза ввалились.

— Ты как? — спросил Фат.

— Как все, — сказал Уилл. — Умираю.

— Не умирай. Это приказ.

Уилл усмехнулся. Слабо.

— Слушаюсь, милорд.

Третий день принёс первые потери.

Один из французских солдат упал в обморок от теплового удара. Его тащили на носилках, но он умер к вечеру. Другой — молодой лучник из английского отряда — напился из гнилого колодца и к утру начал бредить. Его оставили в обозе. Фат не знал, выживет ли он. Скорее всего, нет.

Он смотрел, как умирают люди. Как их тела уносят в сторону, как их хоронят в песке, как их имена забывают. Он думал: это только начало. Это только дорога. Что будет, когда мы дойдём до Мансуры?

Он не знал ответа. Но он знал другое: он должен выжить. Ради Элис. Ради Хью. Ради себя.

Пятый день был самым тяжёлым.

Вода кончалась. Проводия таяла. Люди начали роптать. Французы обвиняли англичан в том, что те пьют слишком много. Англичане обвиняли французов в том, что те забирают лучшие колодцы. Фат видел, как вспыхивают ссоры, как люди хватаются за ножи, как офицеры разнимают их. Он знал: если так продолжится — будет бунт.

Он собрал своих людей. Двадцать человек — те, кто остался. Они выглядели усталыми, измученными, злыми. Но они держались. Пока держались.

— Слушайте, — сказал он. — Я знаю, что трудно. Я знаю, что хочется пить. Я знаю, что французы — ублюдки. Но мы не можем ссориться. Мы должны держаться вместе. Если мы развалимся — мы умрём. Все. Поняли?

Они кивнули. Неохотно. Но кивнули.

— Хорошо. — Фат помолчал. — А теперь слушайте приказ. Мы не будем драться с французами. Не будем ссориться. Не будем жаловаться. Мы будем идти. Молча. Стиснув зубы. Пока не дойдём. Поняли?

— Поняли, — ответили они.

— Не слышу.

— Поняли!

Фат кивнул. Он не знал, подействует ли это. Но он надеялся. Надежда — это всё, что у него было.

На седьмой день они увидели Нил.

Река была широкой, медленной, зелёной. Вода в ней казалась чистой, прохладной, живой. Люди бросились к берегу, начали пить, умываться, наполнять бурдюки. Фат тоже подошёл. Зачерпнул воду. Отпил. Она была тёплой, но чистой. Не такой, как в колодцах. Не гнилой. Живой.

Он посмотрел на реку. На другой берег. На пальмы, которые росли вдоль воды. На город вдалеке — белый, с минаретами, с стенами. Мансура. Они почти дошли.

— Это она? — спросил Гилберт.

— Она, — сказал Фат.

— Мы дойдём?

— Дойдём.

Он не был уверен. Но он хотел верить. Он должен был верить.

Вечером он написал письмо.

Он сидел у костра, смотрел на огонь. Рядом спали люди — измученные, грязные, но живые. Уилл храпел. Гилберт ворочался во сне. Фат достал пергамент, перо, чернила. Он не часто писал. Но сегодня хотел. Сегодня было что сказать.

«Элис. Я жив. Мы дошли до Нила. Завтра будем у Мансуры. Говорят, там будет бой. Большой. Я не знаю, что будет. Но я хочу, чтобы ты знала: я люблю тебя. Я люблю Хью. Я вернусь. Обещаю. Эдгар».

Он свернул пергамент. Убрал в сумку. Посмотрел на огонь. Долго. Потом лёг. Закрыл глаза. И заснул. Впервые за много дней — спокойно.

Утром они выступили к Мансуре.

Город был близко. Стены, башни, ворота. Фат видел их издалека. Видел, как на стенах двигаются люди — маленькие, как муравьи. Видел, как блестят на солнце копья, щиты, шлемы. Он знал: там, за этими стенами, — враг. Тысячи

врагов. Они ждут. Они готовы. Они будут драться.

Он сжимал крест Элис. Смотрел на город. Думал: это конец. Или начало. Я не знаю. Но я готов. Я должен быть готов.

— Готов? — спросил Уилл.

— Готов.

— Тогда пошли. — Уилл ухмыльнулся. — Кто-то же должен прикрывать твою спину.

Они пошли вперёд. К Мансуре. К бою. К тому, что ждало впереди.

Фат не знал, что это будет последний бой для многих из них. Не знал, что он сам едва выживет. Не знал, что вернётся домой другим человеком. Калекой. Нищим. Забытым.

Он просто шёл. Как всегда. Как солдат. Как человек, который делает то, что должен.

Глава 10. Мансура

Мансура была не городом. Она была крепостью.

Стены — высокие, толстые, сложенные из обожжённого кирпича. Башни — с бойницами, с лучниками, с котлами, в которых кипела смола. Ворота — дубовые, окованные железом, с опущенной решёткой. За стенами — дома, минареты, мечети. И люди. Тысячи людей. Они ждали. Они готовились. Они знали, что мы придём.

Фат стоял на холме, смотрел на город. Рядом — Уилл, Гилберт, остальные. Они молчали. Все понимали: это не Дамиетта. Дамиетта была пустой. Мансура — полной. И она будет драться.

— Сколько их? — спросил Гилберт.

— Больше, чем нас, — сказал Уилл. — Намного больше.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы убить нас всех.

Гилберт побледнел. Он всё ещё не привык. Может, никогда не привыкнет. Может, умрёт прежде, чем привыкнет.

Фат смотрел на стены. Думал: как мы их возьмём? У нас нет осадных машин. Нет лестниц. Нет времени. Мы не можем ждать. Людовик не любит ждать. Он хочет победы.

Быстрой. Славной. Кровавой.

Он не знал, что будет. Но он знал: будет плохо.

Штурм начался на рассвете.

Французы пошли первыми. Конница — тяжёлая, закованная в сталь, с копьями наперевес. Они ударили в ворота, как таран. Раз, другой, третий. Решётка дрогнула. Но не упала. Со стен полетели стрелы. Камни. Смола. Лошади заржали, люди закричали. Первые ряды смешались. Вторые — отступили. Третьи — снова пошли вперёд.

Фат смотрел, как умирают французы. Как они падают с лошадей, как горят в смоле, как кричат. Он не жалел их. Он их не любил. Но он знал: скоро его очередь. Скоро английский отряд пойдёт вперёд.

— Готовься! — закричал он.

Его люди подняли щиты. Натянули луки. Уилл встал рядом, положил стрелу на тетиву.

— Не промахнись, — сказал Фат.

— Я никогда не промахиваюсь, — сказал Уилл.

Они пошли вперёд.

Английский отряд ударил в правый фланг. Там, где стена была ниже. Где защитников было меньше. Фат бежал первым, держа щит над головой. Стрелы свистели вокруг. Одна ударила в щит, застряла. Другая пролетела мимо, задела плечо Гилберта. Он вскрикнул, но не остановился. Побежал дальше.

Они добрались до стены. Приставили лестницы. Полезли. Фат лез первым. Руки дрожали. Ноги скользили. Но он лез. Как всегда. Как солдат.

Наверху их ждали. Мамлюки — в кольчугах, с саблями, с щитами. Они рубили сверху. Фат поднял щит, принял удар. Ударил в ответ. Меч вошёл в тело. Мамлюк упал. Фат перешагнул через него. Пошёл дальше.

Бой на стене был страшным. Тесно. Кровь. Крики. Люди падали с обеих сторон. Фат рубился, как в тумане. Он не думал. Просто делал. Как всегда. Как солдат.

— Держись! — закричал Уилл. Он стоял рядом, стрелял из лука. Каждая стрела находила цель. Он был лучшим лучником, которого Фат знал. Может, лучшим в Англии.

— Держусь! — закричал Фат в ответ.

Он рубился. Долго. Час. Два. Три. Он не знал, сколько прошло времени. Он знал только, что стена ещё не взята. Что мамлюки ещё держатся. Что люди умирают. С обеих сторон.

Потом случилось то, чего он боялся.

Мамлюки пошли в контратаку. Конные. Сотни. Они вырвались из ворот, ударили в центр французской армии. Разрезали её надвое. Французы дрогнули. Побежали. Началась паника.

— Назад! — закричал Фат. — Отходим!

Но было поздно. Мамлюки уже были рядом. Они рубили всех — французов, англичан, своих, чужих. Они не разбирали. Они убивали.

Фат увидел, как падает Гилберт. Мальчик споткнулся, упал, и мамлюк занёс над ним саблю. Фат бросился вперёд. Ударил мамлюка щитом. Тот отлетел. Фат схватил Гилберта за руку, поднял.

— Беги! — заорал он. — Беги!

Гилберт побежал. Фат прикрывал его. Отбивался. Рубился. Он не видел, что происходит вокруг. Только врагов. Только смерть.

Потом он увидел Уильяма Лонгеспея.

Командир английского отряда стоял в центре боя. Один. Без щита. С мечом в руке. Он рубился, как лев. Вокруг него лежали тела — французов, мамлюков, англичан. Он был ранен. Кровь текла по лицу, по рукам, по доспехам. Но он не отступал. Он дрался.

— Лонгеспей! — закричал Фат. — Назад!

Лонгеспей обернулся. Посмотрел на него. Улыбнулся. Как будто всё было хорошо. Как будто он не умирал.

— Держись, Фат! — закричал он. — Мы ещё победим!

Он не победил. Мамлюк ударил его копьём в спину. Лонгеспей упал. Фат бросился к нему. Но было поздно. Командир английского отряда был мёртв. Его глаза смотрели в небо. Пустые. Стеклянные.

Фат закричал. От ярости. От боли. От чего-то ещё. Он не

знал. Он просто закричал. И бросился в бой. Один. Против всех.

Он рубился, как безумный. Не думал о смерти. Не думал о жизни. Просто рубился. Мамлюки отступали. Они не ожидали такого. Они не ожидали, что один человек может так драться. Так убивать. Так умирать.

Потом он почувствовал удар.

Сначала в плечо. Острый, жгучий. Как будто кто-то воткнул в него раскалённый нож. Потом — в ногу. Ещё один удар. Ещё один. Он упал. Не мог стоять. Не мог держать меч. Не мог дышать.

Он лежал на песке, смотрел в небо. Оно было серым. Как в Англии. Как дома. Он думал: вот и всё. Вот и конец. Я не вернусь. Я не сдержу обещание. Прости, Элис. Прости, Хью.

Потом он увидел Уилла.

Уилл пробивался к нему через толпу. Рубился. Стрелял. Убивал. Он был ранен — в бок, в руку. Но он шёл. Он не останавливался. Он добрался до Фата. Схватил его за плечи. Потащил.

— Держись! — заорал он. — Держись, слышишь!

Фат не мог говорить. Он просто смотрел на Уилла. На его лицо. На его глаза. В них был страх. Настоящий. Не за себя. За него. За Фата.

— Я держусь, — прошептал Фат.

Уилл тащил его. Долго. Через бой. Через смерть. Через всё. Он не останавливался. Он не сдавался. Он был лучшим другом, которого Фат знал. Лучшим человеком. Лучшим солдатом.

Они добрались до своих. Уилл передал Фата лекарям. Упал рядом. Закрыл глаза.

— Мы выжили, — прошептал он. — Мы выжили.

Фат смотрел на него. На его лицо. На его улыбку. И думал: да. Мы выжили. Но сколько ещё не выжило? Сколько ещё умрёт? Сколько ещё будет таких боёв?

Он не знал ответа. Он знал только одно: он жив. Пока жив. И он должен вернуться домой. Во что бы то ни стало.

Глава 11. Плен

Фат очнулся в темноте.

Сначала он не понял, где находится. Пахло землёй, потом и чем-то сладковатым — тошнотворным, как гниющее мясо. Он лежал на чём-то твёрдом. Камень? Или просто утоптанная земля. Плечо горело огнём. Нога не двигалась. Он попытался поднять руку — не смог. Верёвки. Тугие, грубые, впивающиеся в кожу.

Он закрыл глаза. Попытался вспомнить. Мансура. Бой. Кровь. Уилл тащит его. Потом — темнота. Потом — это.

Он снова открыл глаза. Привык к темноте. Увидел стены — земляные, с подпорками из брёвен. Потолок — низкий, давящий. Вокруг — люди. Много людей. Связанные, израненные, грязные. Англичане, французы. Пленные. Как и он.

Он попытался сесть. Боль прострелила плечо, ногу, всё тело. Он застонал. Рядом кто-то зашевелился.

— Фат?

Голос знакомый. Хриплый, слабый, но знакомый.

— Уилл?

— Живой, — прошептал Уилл. — Слава Богу. Я думал, ты не очнёшься.

Фат повернул голову. Уилл лежал рядом — связанный, как и он, с перевязанным боком, с запёкшейся кровью на лице. Но живой. Живой.

— Где мы? — спросил Фат.

— В плену. Под Мансурой. Они взяли нас через день после боя. — Уилл помолчал. — Многие умерли. Лонгеспей. Гилберт...

— Гилберт? — Фат попытался приподняться. — Что с Гилбертом?

— Он жив. Ранен. Но жив. Его держат в другом месте. С офицерами.

Фат откинулся назад. Закрыл глаза. Гилберт жив. Это хорошо. Это хоть что-то.

— Сколько нас? — спросил он.

— Не знаю. Много. Французов больше. Англичан — че-

ловек двадцать. Может, тридцать. — Уилл помолчал. — Они убивают раненых. Тех, кто не может ходить. Тех, кто не представляет ценности.

Фат понял. Он был ранен. Плечо раздроблено. Нога не двигается. Он был обузой. Он знал, что будет дальше. Его убьют. Или оставят умирать. Как собаку.

Он сжал кулаки. Верёвки впились в кожу. Он не чувствовал боли. Он чувствовал только злость. Злость на себя. За то, что не умер в бою. За то, что позволил себя схватить. За то, что теперь будет гнить здесь, в этой яме, среди чужих.

— Не сдавайся, — прошептал Уилл. — Слышишь? Не сдавайся.

Фат не ответил. Он просто лежал и смотрел в потолок. Ждал. Смерти. Или чего-то ещё.

Прошло два дня.

Или три. Фат не знал. Время в плену текло иначе. Медленно. Как густая кровь. Он лежал на земле, смотрел в потолок, слушал, как умирают люди. Кто-то стонал. Кто-то бредил. Кто-то просто замолкал. Навсегда.

Ему давали воду. Иногда — хлеб. Чёрствый, с песком. Он ел. Не потому, что хотел. Потому, что должен был. Ради Элис. Ради Хью. Ради себя.

На третий день — или на четвёртый — пришли люди.

Они были в белых одеждах, с бородами, с глазами, которые смотрели без злобы. Без жалости. Просто смотрели. Один из них присел рядом с Фатом. Посмотрел на его плечо. На ногу. Покачал головой. Сказал что-то на арабском.

— Что он говорит? — спросил Фат.

Уилл, который немного понимал, перевёл:

— Говорит, что ты долго не протянешь. Рана гниёт. Нужна операция.

Фат усмехнулся. Горько.

— Операция. Здесь. В плену. Без инструментов. Без ничего.

— Он говорит, что может помочь. Он лекарь.

Фат посмотрел на лекаря. На его лицо. На его руки. Они

были чистыми. Ухоженными. Не такими, как у солдат. Не такими, как у палачей. Это были руки человека, который лечит. А не убивает.

— Спроси его, зачем ему это, — сказал Фат.

Уилл перевёл. Лекарь ответил. Уилл перевёл снова:

— Говорит, что дал клятву. Лечить всех. Независимо от веры. Независимо от того, кто перед ним. Враг или друг. Он лекарь. Это его долг.

Фат молчал. Долго. Потом кивнул.

— Хорошо. Пусть делает.

Лекарь улыбнулся. Впервые. Слабо. Но улыбнулся. Он достал инструменты — нож, иглу, нитки, какие-то травы, баночки. Фат смотрел на него. Думал: если он меня убьёт — я не почувствую. Если он меня спасёт — я буду должен. Врагу. Сарацину. Тому, кого должен убивать.

Лекарь начал. Боль была такой сильной, что Фат потерял сознание. Очнулся через час — или через день. Плечо было перевязано. Нога — тоже. Лекарь сидел рядом, смотрел на него. Улыбался.

— Сабр, — сказал он.

— Что? — не понял Фат.

— Сабр, — повторил лекарь. — Терпение. Ты должен иметь терпение. Рана заживёт. Но не сразу.

Фат кивнул. Он не понял слова. Но понял смысл. Терпение. Он должен был иметь терпение. Как всегда. Как солдат.

Лекарь ушёл. Уилл подполз ближе.

— Ты как?

— Живой. Пока.

— Он сказал, что ты поправишься. Через месяц. Может, через два.

— Через два месяца я буду здесь. В плену.

— Лучше в плену, чем в могиле.

Фат не ответил. Он думал о том же. Лучше в плену. Лучше живым. Чем мёртвым. Но что это была за жизнь? Без свобо-

ды. Без достоинства. Без ничего.

Он закрыл глаза. Попытался представить Элис. Хью. Дом. Поля. Небо. Но не мог. Перед глазами стояла только темнота. И песок. И кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.